

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ЛИНДА	12
ПИТУ	19
ЛИНДБЕРГ	24
КЕННЕДИ	34
МАДАМ ДЕКОМБ	41
МЫ, СТРЕЛЬЦЫ	48
БАССЕЙН	54
МЫС ГРИ-НЕ	61
ПОДВАЛ	69
АРТУР	75
УБИЙЦА	82
ВЕРШКИ И КОРЕШКИ	89
РАСПИСАНИЕ	95
ЯМА	101
РАЙМОН	109
БЕЛЫШ	115
КРАСНАЯ ЗУБНАЯ ПАСТА	121
ПЕЩЕРА	127
ГРЕГОР И ЭДМОН	133
ОРАНЖЕВАЯ КНИГА	140
ВИНО УРОЖАЯ 1945 ГОДА	146

Из подполья	152
ПИРАМИДА	158
ТИГРОВЫЙ КОВЕР	167
ХИРАМ ТИРСКИЙ	173
ЧЕТВЕРТОВАНИЕ	182
КИРПИЧНАЯ СТЕНА	187
СЕРЫЙ ЖИЛЕТ	195
ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР	203
ПЕРИСО	210
МЕНИ ГРЕГУАР	213
«ВЕНГЕРСКАЯ РАПСОДИЯ»	219
АСПИРИН	224
НИЦШЕ	232
МАТИЛЬДА	239
ТЕЛЕНОК	245
КЛЮЧ	251
ЛЕТАТЕЛЬНАЯ МАШИНА	257
ДРУЖБА	262
ТЕОРЕМА ФАЛЕСА	266
ПРОЩАЙ, ЛИНДА	271
СТРАЖ ХРАМА	275
ЭКЗАМЕН	279
МСЬЕ МОЛЕН	284
МАРИ-НОЭЛЬ	291
МСЬЕ ДЕЛАТАЙ	298
ДЖАЗ-БЭНД «САНТИНАС»	305
ЭПИЛОГ	315
БЛАГОДАРНОСТИ	326

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1936 году тридцатичетырехлетний Луи Дидье был обеспеченным человеком. Выходец из семьи со скромным происхождением, он очень быстро поднялся по социальной лестнице и теперь управлял собственной компанией в Лилле. Посвященный масонской ложе, он имел крайне мрачное представление о падшем мире, в котором верховодят темные силы.

В том году он познакомился с шахтером из городка Фив. Мужчина из сил выбивался, стараясь прокормить многочисленных детей. Луи Дидье предложил шахтеру «доверить» ему младшую дочь — светловолосую шестилетнюю девочку: «Жаннин никогда не будет ни в чем нуждаться; она получит блестящее образование и жизнь со всеми удобствами. Мое единственное условие — вы с ней больше никогда не увидите».

Не ясно, имела ли эта сделка финансовую основу. Шахтер согласился. Жаннин осталась жить под опекой Луи Дидье и больше никогда не видела своих родных.

Луи Дидье сдержал свое обещание. Жаннин училась в школе-пансионе и получила превосходное образование. Достигнув возраста согласия, она вернулась жить к своему опекуну. Он оплатил ей изучение философии

РАССКАЗ ДОЧЕРИ

и латыни в университете Лилля и позаботился, чтобы ее диплом был честно заслуженным.

Не знаю, когда именно Луи Дидье раскрыл Жаннин свой грандиозный замысел. Рассказывал ли Дидье о нем, когда она была еще маленькой девочкой и проводила с ним только каникулы? Или дождался, пока она повзрослела и стала его женой? Думаю, в глубине души Жаннин «всегда знала», какова ее миссия: подарить ему дочь, такую же светловолосую, как она сама, а потом позаботиться об образовании этого ребенка.

Дидье верил, что дитя, которое Жаннин произвела на свет, станет, как и его отец, «избранным». Он верил, что его дочь будет призвана «возвысить человечество».

Дидье верил, что дитя, которое Жаннин произвела на свет, станет, как и его отец, «избранным». Он верил, что его дочь будет призвана «возвысить человечество». Благодаря образованию, специально полученному матерью, этого ребенка предстояло воспитать вдали от оскверняющих влияний внешнего мира. Луи Дидье собирался взять на себя ответственность за физическую и духовную подготовку дочери, чтобы она стала «высшим существом», вооруженным всем необходимым для выполнения трудной и монументальной задачи, которую он перед ней поставил.

Через двадцать два года, после того как Жаннин стала его собственностью, Луи Дидье решил, что ей пришло время произвести на свет дочь и что датой рождения девочки должно быть 23 ноября 1957 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ

23 ноября 1957 года Жаннин родила девочку с очень светлыми волосами.

Три года спустя, в возрасте 59 лет, Луи Дидье ликвидировал все свои активы, купил дом неподалеку от Касселя, между Лиллем и Дюнкерком, и удалился туда вместе с Жаннин, чтобы целиком и полностью посвятить себя осуществлению проекта, который разработал еще в 1936 году: сделать своего ребенка сверхчеловеком.

Этим ребенком была я.

Когда я впервые попадаю в этот дом, мне еще нет четырех лет. На мне красное пальтишко. Я до сих пор ощущаю кончиками пальцев его текстуру — толстую, ворсистую. Никто не держит меня за руку, никого нет рядом. Я лишь чувствую, как мои кулачки сжаты в карманах, они крепко держатся за ткань, цепляются за нее.

Земля здесь засыпана бурым гравием. Я ненавижу это место. Сад кажется бесконечным; у меня такое чувство, будто он проглатывает меня. А потом появляется мрачное, вызывающее смутную тревогу строение — слева надо мной нависает огромный дом.

Я слышу, как тяжелые ворота скрежещут по гравию, закрываясь за мной. Пронзительное «скрип-скрип-скрип», пока две половинки не сойдутся с лязгом. Потом раздается «щелк» замка, за которым следует «кланк»: ворота заперты навсегда. Я не осмеливаюсь повернуться. Такое ощущение, будто надо мной только что задвинулась крышка.

Всякий раз как мы оказываемся одни, мать выговаривает мне, мол, это я виновата, что нам пришлось уехать из Лилля и похоронить себя заживо в этой дыре. Что я ненормальная. Что меня приходится прятать, иначе меня

ЛИНДА

сразу же запрет в Байёль. Байёль — это психиатрическая лечебница. Я однажды была там, когда родители брали одну из пациенток на работу в качестве горничной. Это страшное место, наполненное криками и хаосом.

Это правда, я не вполне нормальна. В Лилле у меня были чудовищные истерики, и я билась головой о стены. Я была сгустком неукротимой воли, полным восторгом и ярости. Было больно, когда неровная поверхность стен врезалась в голову, когда мать стискивала мою руку в своей и оттаскивала от стены, ухватив за локоть. Но я не боялась. Я чувствовала себя храброй, ничто не могло меня сломить.

Отец велел покрыть стены галечной штукатуркой еще более грубой текстуры, чтобы «усмирить» меня. Толку от этого не было. В припадках гнева я по-прежнему подбегала и билась головой об эти стены. Мне столько раз приходилось накладывать швы, что мой скальп испещрен шрамами. Мать, которой не раз случалось получать ссадины или рвать платья, проходя мимо этих стен и задевая их, очень злилась на меня.

С тех пор как мы поселились в этом доме, я больше не чувствую себя такой сильной. Я одинока. Я уже не хожу в детский сад. Теперь меня учит мать — там, на втором этаже. Я больше не бываю в отцовской автомастерской, где рабочие когда-то смешили меня. Мы вообще почти не покидаем дома, и гостей у нас бывает раз-два и обчелся.

В Лилле у меня были чудовищные истерики, и я билась головой о стены. Я была сгустком неукротимой воли, полным восторга и ярости.

РАССКАЗ ДОЧЕРИ

Чего мне хочется — так это ходить в школу, в настоящую школу, где у меня будет учительница и множество друзей. Хотя я до ужаса боюсь отца, я все равно спрашиваю:

— А я смогу когда-нибудь пойти в школу?

Родители смотрят на меня так, словно я только что сказала какую-то жуткую гадость. На лице матери написано отвращение. Взгляд отца буравит меня.

— Неужели ты не осознаешь, — говорит он, — что ради тебя я заставил твою мать столько лет учиться? Ей пришлось несладко, поверь мне. Она думала, что никогда не добьется успеха. А я заставлял ее продолжать. С теми знаниями, которые у нее теперь есть, она могла бы учить целый класс. Но она целиком и полностью в твоём распоряжении, пока в восемнадцать лет ты не сдашь экзамены за курс средней школы. Тебе так повезло в жизни — и ты еще жалуешься?

Не знаю, какой демон подбивает меня на эту дурную идею:

— Если она может учить целый класс, почему мы не занимаемся в классе с другими учениками?

Воцаряется гробовое молчание. Мои конечности леденеют. Я знаю, что больше не осмелюсь поднять эту тему. И в школу ходить не буду.

К счастью для меня, здесь есть Линда. Она попала в дом примерно в то же время, что и мы. Мы росли вместе. В моих самых первых воспоминаниях о ней она еще не совсем взрослая. Когда она виляет хвостом, его кончик задевает мое лицо. Мне щекотно. Я смеюсь. Мне нравится запах ее шубки.

ЛИНДА

Щенком она спит в кухне, потому что ночи в северной Франции холодные. Но ей не разрешается входить ни в какое другое помещение. Когда мы сидим в столовой, я слышу, как она скулит в коридоре. Вскоре ее выгонят жить в неотопливаемую подсобку.

Отец ждет не дождется, когда можно будет окончательно выставить ее из дома. Он заказал крашеную деревянную конуру, и ее поставили в саду позади кухни. Теперь Линда должна спать там. Ей категорически запрещено появляться в доме — до тех пор, пока не наступают серьезные морозы, которые загоняют бедное дрожащее создание обратно в кладовку; ее шерсть стоит колом от намерзшего льда.

Отец раздражен.

— Собаки нужны, чтобы сторожить дом, — говорит он. — Их место на улице.

Морозы заканчиваются, и Линду все чаще и чаще сажают на цепь, прикрепленную к ограждению на наружном крыльце. Я бегаю туда повидаться с ней при любой возможности. Она кажется мне огромной. Я беру ее за ошейник и зарываюсь лицом в мех. Собака боится отца, который гулким голосом выкрикивает команды. А с матерью Линда общается с холодной любезностью, и мать злится.

— Это моя собака, — твердит она мне. — Но — как же, как же! — ведь все на свете должно принадлежать тебе! Ты ведешь себя так, будто она твоя. И ухитрилась заставить глупое животное поверить в это.

Мне стыдно. Я не понимаю, кто кому принадлежит. Однако Линде это совершенно безразлично. Она продолжает в восторге прыгать вокруг меня.

РАССКАЗ ДОЧЕРИ

Однажды появляются строители. Отец говорит мне, что у Линды теперь будет целый дворец. Я вне себя от радости за нее. Когда это сооружение достроено, оказывается, что у него странная форма: передняя часть «дворца» достаточно высока, чтобы взрослый человек мог стоять в ней, выпрямившись в полный рост, а за нею следует помещение с более низким потолком, оббитое стекловатой, «чтобы ей было тепло и хорошо». Отныне и впредь Линда может оставаться вне дома, какая бы ни была погода.

Как ни странно, Линда наотрез отказывается даже лапой ступить в заднюю часть новой конуры. Отец велит мне войти туда и сесть в дальний угол, чтобы она привыкла, и вскоре Линда присоединяется ко мне. Несколько дней подряд мы с удовольствием забираемся в этот маленький альков и лежим там в обнимку.

Спустя неделю отец зовет меня посреди дня и приказывает отправляться в конуру вместе с собакой. Ура! Неожиданная передышка от уроков! Линда восторженно мчится ко мне, и мы с ней вместе сворачиваемся в клубок в нашем маленьком убежище. И в этот момент я слышу, как приближаются рабочие. Не знаю, почему, но у меня замирает сердце. Они входят в конуру, неся тяжелую металлическую дверь с решеткой, выкрашенной черной и белой краской. Поднимают ее, и — *кланк* — навешивают на петли.

— Мад, выходи оттуда! — кричит отец.

Я повинуюсь. У меня нет иного выбора, кроме как поவிноваться. Я выхожу, оставляя Линду за решеткой. Ее глаза полны печального непонимания.

ЛИНДА

— Видишь, — говорит отец, глядя мне прямо в глаза, — она доверяла тебе, и вот к чему это привело. Никогда никому не доверяй.

С этого дня и до конца жизни Линда заперта в своей конуре с восьми утра до восьми вечера. Она доверяла мне, а я не понимала, чем это грозит. Она оказалась в ловушке из-за меня.

Поначалу Линда скулит, царапает решетку и тянет сквозь нее лапу, когда я прохожу мимо. Останавливаться мне не разрешено. Я смотрю на нее, безмолвно прося прощения. По мере того как проходят недели, она привыкает сидеть за своей решеткой в полном безмолвии, из глаз пропадает искра, только хвост виляет, когда она меня видит.

Затем ее характер меняется. У нее начинаются вспышки агрессии, и никто не знает, что служит поводом для них. Она рычит и скалит зубы, когда слышит шаги. После восьми вечера, когда ее выпускают побегать по саду, она даже гоняется за матерью. Линда — крупная немецкая овчарка, она может, когда захочет, быть очень грозной. Мать защищается, обливая ее водой из ведра. Вскоре Линда начинает дрожать от одного вида ведра.

Отец удовлетворен. Линда стала прекрасной сторожевой собакой. Чтобы отточить ее воспитание, он порой выпускает Линду из ее тюрьмы и приказывает сторожить его велосипед. Она должна неподвижно сидеть рядом с ним. Затем отец заставляет меня подходить к ней

— Видишь, — говорит отец, глядя мне прямо в глаза, — она доверяла тебе, и вот к чему это привело. Никогда никому не доверяй.

РАССКАЗ ДОЧЕРИ

и, как только собака вильнет хвостом, прикрикивает на нее. Она тут же поджимает хвост, пряча его между ног. Как только Линда понимает, как именно надо сторожить велосипед, отец гладит ее и вознаграждает часом-двумя свободы.

Через пару месяцев такого обучения он решает испытать ее. Когда Линда сидит рядом с велосипедом, неподвижная, точно каменная, отец велит мне подбежать, схватить велосипед и покатить его прочь. Я слушаюсь

Он хочет, чтобы я поняла, что он — единственный, кто любит и защищает меня. Что я должна доверять только ему.

приказа. Видя, что я подбегаю к ней, Линда вскакивает, бросается на меня и впивается клыками в мое бедро. Я вскрикиваю от неожиданности и боли. Линда тут же разжимает зубы и ложится на землю, глядя на меня полными отчаяния глазами.

— Кто угодно, какие бы глупые приказы ему ни отдавали, нападет на тебя — даже эта собака, которую ты считаешь такой верной, — говорит отец.

Но я все равно продолжаю так же сильно любить Линду; я никогда не поверю, что она укусила меня нарочно. Это была случайность. Отец часто возвращается к этому эпизоду. Он хочет, чтобы я поняла, что он — единственный, кто любит и защищает меня. Что я должна доверять только ему.

Каждый вечер ровно в восемь я иду и освобождаю Линду из заточения. Прежде чем выпустить ее в сад на ночь, я потихоньку рассказываю ей разные истории, и она внимательно слушает. Я не хочу, чтобы кто-нибудь подслушал, что я ей рассказываю, поэтому шепчу ей на ухо. Иногда Линде становится щекотно, и она трется ухом о мою щеку. Я часто рассказываю ей об утках. Они живут у пруда, который мой отец велел выкопать в нижней части сада.

Наступил сезон миграций, и над головой пролетают стаи диких уток. Некоторые из них порой приземляются на участке вокруг нашего дома. Отца это тревожит, поскольку эти пришельцы со стороны могут «осквернить» наших птиц. Он хватает карабин и палит по незванным гостям. Мать прогоняет их с помощью здоровенных кузнечных мехов, которые издают нестерпимый трубный звук.

Нам нужно что-то сделать, чтобы не дать сбежать собственным птицам, поэтому мы подрезаем каждой из них одно крыло. Ловить уток приходится мне, поскольку по какой-то необъяснимой причине ко мне они идут с готовностью. У меня сердце разрывается, когда я вижу, как

РАССКАЗ ДОЧЕРИ

охотно они подбегают, стоит только позвать. Я передаю их матери по одной, и она в поте лица трудится, подрезая им перья короткими толстыми ножницами.

Утиные перья очень жесткие. Она подрезает их очень коротко, иногда настолько, что пускает птицам кровь. Утки смешно ковыляют, их нетронутое крыло кажется огромным по сравнению с обрубком на другом боку.

Я рассказываю Линде об отвратительном хрусте перьев под ножницами, о вони жидкого помета, который птицы выпускают от страха. Я кажусь себе такой уткой в пруду — с одним крылом, которое родители хотят отрастить длинным и красивым, и другим, обкромсанным под ноль.

Я кажусь себе такой уткой в пруду — с одним крылом, которое родители хотят отрастить длинным и красивым, и другим, обкромсанным под ноль.

К счастью, у меня находятся и более жизнерадостные истории, чтобы рассказать Линде. Например, о Питу — птенце мускусной утки, которого мы ухитрились спасти от верной смерти.

Услышав жалобное криканье, мы втроем подбегаем и видим жалкий комочек перьев, которого подмял под себя большой селезень. Ухватив утенка клювом за голову, он топит его в пруду. Должно быть, этот селезень — его собственный отец, вознамерившийся утопить малыша.

Мать хватается палку и бьет большого селезня, чтобы он отпустил Питу. Но тот упрям: он уклоняется от ударов, не выпуская утенка. Мать тоже не отступает. Она бегаёт туда-сюда по узким мосткам через пруд и — плюх! — па-

ПИТУ

дает в воду. Я наклоняюсь, чтобы подать ей руку, и тоже падаю в пруд.

— Откуда вы, черт вас возьми, взялись на мою голову, две дурехи! — гневно кричит отец.

Мы плюхаем по грязной, вонючей воде; прическа матери разваливается, и ее длинные светлые волосы рассыпаются по грязи. Наконец, она хватает меня за шиворот и поднимает на мостки.

Я вся облеплена грязью, но Питу бросить не могу. Ему удалось удрать от отца, но он беспомощно трепыхается, почти тонет. Я снова тянусь вперед, и мне удастся схватить его. Потом моя нога скользит, и я снова оказываюсь в воде. Ухватившись за мостки, наконец, выбираюсь на берег, не выпуская Питу.

Бедняжка дрожит в моих ладонях, его мокрые перышки прилипли к бокам.

— Он замерзает! — плачу я. — Он простудится и умрет!

Отец, который всего пару мгновений назад был вне себя от ярости, внезапно смягчается. Может быть, Питу напоминает ему о кролике, которого он любил в детстве и которого его собственный отец, человек без сердца, однажды вечером подал на стол к ужину?

— Чтобы согреть, надо всего-навсего сунуть его в духовку, — ворчит он.

Вне себя от радости, я бегу в дом. Когда тельце Питу обсыхает, я оставляю его при себе на весь остаток дня — и потом с ним не расстаюсь. Отец определенно неровно к нему дышит. Он позволяет мне таскать утенка повсюду, уютно устроив его в коробке с выстланным ватой дном.